

Кто бы мог подумать, что Гу Хуайцин окажется совсем не таким, как его представляли. Кожа его была необычайно белой — не болезненной бледностью, а подобной благородному нефриту, излучавшим мягкий, бархатистый блеск. Черты лица — удивительно чёткими: прямой нос, длинные чёрные брови, а под ними — прекрасные глаза-«фениксы», с чуть приподнятыми внешними уголками, что придавало взгляду оттенок надменности и лени.

На нём был узкоплечий халат цвета тёмного шифера, с застёжкой спереди. На плечах и подоле золотыми нитями были вышиты узоры из облаков и драконов-мань. В талии его стягивал изящный нефритовый пояс с ажурной резьбой, а на голове красовалась пурпурно-золотая корона, собравшая волосы. Корону оплетал четырёхкоготный дракон-мань, а в центре алой налобной повязки сверкал золотисто-зелёный камень кошачий глаз.

Вся эта одежда смотрелась столь же богато, как наряд принца крови. Одна только эта корона, пожалуй, стоила целое состояние. Для чиновника пятого ранга, начальника тысячи дворов, подобный наряд был несомненным превышением полномочий, но с другой стороны — красноречивым свидетельством того, сколь сильна была милость к нему императора.

Едва Гу Хуайцин появился, как несколько чиновников тотчас же подошли, чтобы выразить ему почтение. В их поведении сквозила подобострастная почтительность.

Из приглашённых гостей, кроме членов Гвардии в парчовых халатах, все были чиновниками, близкими к Вань Чжэню. Поскольку эти люди уже крепко уцепились за подол Восточной Ограды, Гу Хуайцин, нынешний любимец императора, естественно, стал объектом их отчаянных попыток выслужиться.

Наблюдая за тем, как эти люди унижительно пресмыкаются перед господином Гу, лица стражников в парчовых халатах выразили презрение. Дуань Минчэню это тоже было отвратительно.

Должность Дуань Минчэня была выше, чем у Гу Хуайцина, да и подхалимов он терпеть не мог, поэтому первым заговаривать не стал. Он просто уселся в кресло, закинул ногу на ногу, и с невозмутимым видом принялся пить чай.

На той стороне Гу Хуайцин, ответив на приветствия чиновников, тоже не стал с ними задерживаться. Он уверенно уселся за главный стол, даже не бросив взгляд в сторону Гвардии.

Вот тут уж стражники в парчовых халатах и впрямь рассердились. Тан Цзинвэнь от злости даже кулаки сжал: «Этот белоручка, видать, совсем забыл, что у людей тоже есть лица!»

Дуань Минчэнь тихонько одёрнул его и сказал низким голосом: «Не горячись. Всего лишь евнух. Стоит ли из-за него так распалиться?»

Гао Лу тоже вмешался: «Мы здесь на свадебном пиру, а не на разборках. Нечего позорить нашу Гвардию в парчовых халатах на людях».

Спустя некоторое время наконец появился хозяин дома — Вань Чжэнь.

Вань Чжэню было лет шестьдесят, вид он имел белый и полный, брови добрые, глаза приветливые, в целом — добродушный, словно зажиточный помещик. Глядя на эту внешность, никто бы не подумал, что перед ним — глава пресловутой Восточной Ограды.

Видно, радостное событие придало ему бодрости. Вань Чжэнь был одет в роскошный красный халат с драконами-мань, а в морщинистых уголках глаз играла радость.

Приём наложницы — не то же самое, что женитьба. Не нужно было совершать поклонения Небу и Земле. Невеста не могла надеть красный свадебный наряд, только розовый. Её вносили в дом в маленьком паланкине через боковые ворота — вот и всё.

Однако положение Вань Чжэня было необычным, да и наложницей становилась дочь Аньгогуна, поэтому пир устроили с большой помпой, пригласив гостей и наняв для представления театральную труппу.

Увидев, что гости все в сборе, Вань Чжэнь поднял бокал и, сложив руки в приветственном жесте, объявил: «Сегодня в моём доме радость — принимаю наложницу. Ваш почтенный приход, уважаемые гости, поистине озарил мой скромный дом сиянием! Яства и вина уже на столах, прошу не церемониться, наслаждайтесь от души. После трапезы можете пройти в задний зал — посмотреть представление. Специально пригласил труппу Цинчунь, будут играть для нас целый день».

Труппа Цинчунь была первой театральной труппой в столице. В прошлом году, на праздновании дня рождения вдовствующей императрицы, они выступали во дворце. Государыня осталась в восторге от представления и собственноручно пожаловала им табличку с надписью «Лучшие из Лиюань». С тех пор слава труппы Цинчунь гремела по всей Поднебесной.

Билеты на их публичные выступления были дороги, как золото, а уж пригласить труппу Цинчунь для выступления в частной резиденции — это было нечто, чего нельзя было добиться одними лишь деньгами.

Пир официально начался. Гости один за другим подходили к Вань Чжэню с тостами. Гу Хуайцин стоял рядом с Вань Чжэнем и незаметно прикрывал его, отводя часть подносимых бокалов.

Тут же, в глубине дома, грянули гонги и барабаны, за столами зазвенели чарки и бокалы, воцарилось оживлённое веселье. И вот, среди этой всеобщей гармонии и праздничной атмосферы, внезапно произошло непредвиденное!

Четверо людей в чёрном спустились с небес, ловко сбив с ног нескольких гостей, преграждавших путь, и в мгновение ока окружили Вань Чжэня.

— Смерть евнушью собаке!

Меч, подобно радуге, пронзающей солнце, сверкнул ослепительной, как молния, сталью, устремившись прямо к горлу Вань Чжэня.

Убийцы появились внезапно. Компания была уже изрядно навеселе и просто не успела среагировать. Что же до стражников в парчовых халатах, то хоть боевое искусство их и было превосходным, увы, находились они слишком далеко и просто не успели бы броситься на помощь.

Казалось, ещё мгновение — и Вань Чжэнь истечёт кровью, а радостное событие превратится в похороны. Но вдруг сбоку возникли пара длинных, белых, изящных рук, которые метнули фарфоровую чашку. Та ударила в острие меча убийцы, отклонив его и тем самым разрушив смертоносный приём.

Вслед за этим Гу Хуайцин ловкими движениями пальцев, словно исполняя фокус, щёлкнул раз, другой — и с каждым щелчком один из убийц падал замертво.

Падая, убийцы хватались за горло, глаза их вылезали из орбит. Они несколько раз дёрнулись на земле, и лишь затем кровь медленно сочилась из горла. Зрелище было ужасным.

Последний из убийц, видя, что дело плохо, тут же развернулся и бросился к окну, пытаясь сбежать.

Гу Хуайцин усмехнулся, схватил палочку для еды и швырнул её.

Раздался глухой звук — обычная деревянная палочка пронзила лопатку убийцы и намертво пригвоздила его к стене. Убийца издал мучительный стон, кровь брызнула на белоснежную оконную бумагу и тут же расплылась кровавым пятном.

Гу Хуайцин в мгновение ока убил троих и тяжело ранил ещё одного, даже глазом не моргнув. Люди из Восточной Ограды, наконец, опомнились, быстро окружили тяжелораненого убийцу и попытались выбить из него показания. Не ожидали они, что убийца уже подготовился — раздавил яд, спрятанный в зубе, и тут же умер, истекая кровью из всех семи отверстий на голове.

Увидев, что убийца покончил с собой, Гу Хуайцин развернулся, вернулся к Вань Чжэню и, опустившись на одно колено, сказал, прося прощения:

— Приёмный отец испугался. Ваш неразумный сын на мгновение утратил бдительность, позволив этому негодяю убить себя.

Кровь, пролитая в свадебном зале, считалась дурным предзнаменованием. После такого происшествия лицо Вань Чжэня стало мрачным. К счастью, всё обошлось без серьёзных последствий, никто не пострадал.

Вань Чжэнь всегда дорожил лицом и тем более не желал потерять его в такой радостный день. Поэтому он помог Гу Хуайцину подняться и сказал:

— Ты хорошо справился! На сегодня хватит, потом постепенно всё выясним.

Произнося слова «постепенно всё выясним», на обычно добродушном лице Вань Чжэня появилось нечто зловещее и мрачное. Было ясно, что он не оставит это дело просто так.

Гу Хуайцин кивнул в знак согласия.

В пиршественном зале царил хаос. Столы и стулья были повалены, изысканные яства и прекрасные вина растеклись по полу.

В комнате витал густой запах крови, и оставаться здесь дальше было явно невозможно. Гу Хуайцин сложил руки в приветственном жесте и сказал:

— Приношу извинения за этот неожиданный инцидент, напугавший почтенных гостей. Мне действительно очень неловко! Прошу всех пройти в задний зал послушать представление и заодно отдохнуть.

Большинство присутствующих были гражданскими чиновниками, «не способными удержать курицу в руках». Где уж им было видеть подобные кровавые сцены? Все побледнели от страха, а у особо трусливых ноги дрожали, словно в сите. Им смертельно хотелось тут же попрощаться и уйти, но если уйти сейчас, это, несомненно, бросило бы тень на лицо главы Восточной Ограды. Пришлось, стиснув зубы, дрожа от страха, перебираться в задний зал.

Лишь группа стражников в парчовых халатах по-прежнему сидела невозмутимо, не проявляя ни малейших признаков страха или паники.

Однако спокойствие это было лишь внешним. На самом деле в их сердцах бушевали огромные волны. Мастерство, с которым Гу Хуайцин только что расправился с убийцами, действительно потрясло их.

Убить трёх убийц в мгновение ока — само по себе не было чем-то необычным. Дуань Минчэнь знал, что и сам способен на такое. Однако жестокость и скорость, с которой действовал Гу Хуайцин, были поистине редкостными.

Обычный человек, вероятно, даже не разглядел бы, как Гу Хуайцин убил убийц, но от острых глаз таких мастеров, как Дуань Минчэнь, это не укрылось.

Оружием, которым Гу Хуайцин убивал людей, оказалась тонкая прозрачная нить. Это была не обычная нить, а чрезвычайно редкий шёлк небесного шелкопряда, тонкий, как ворс, но невероятно прочный — обычные мечи и клинки не могли его перерубить. Обычно он прятал этот шёлк в рукаве, а в бою, наполнив нить внутренней энергией, щелчками пальцев отправлял её в цель, в мгновение пронзая горло врага.

Поскольку шёлк небесного шелкопряда был очень тонок, а скорость проникновения в горло — чрезвычайно высокой, убийцы не успевали уклониться и падали замертво. И лишь затем кровь медленно сочилась из раны.

Дуань Минчэнь ранее слышал от матери, что боевое искусство Гу Хуайцина превосходно, но в душе не придавал этому значения. Теперь же стало ясно, что мастерство Гу Хуайцина достаточно высоко, чтобы войти в число первоклассных мастеров современности.

Дуань Минчэнь с детства изучал боевые искусства, обладал высоким талантом и в молодые годы уже редко встречал достойных противников. Обычно, встретив мастера, он не мог удержаться от зуда в руках и стремился сойтись с ним в поединке.

Однако этот Гу Хуайцин был особой личностью. В Восточной Ограде его положение уступало лишь Вань Чжэню, к тому же он пользовался глубоким доверием императора. Дуань Минчэнь испытывал к нему лишь глубокую настороженность, но не мог позволить себе легко с ним связываться.

Дуань Минчэнь смотрел на Гу Хуайцина, и во взгляде его читалось некое исследовательское любопытство. В этот момент Гу Хуайцин как раз обернулся, и их взгляды встретились в воздухе...

<http://bllate.org/book/16283/1466610>